

Резолюция мальчика с веснушками

Небольшая московская история времен борьбы с космополитизмом

1948 год оказался счастливым для нас с Виктором Драгунским. Мечта Виктора создать маленький театр литературно-театральных пародий наконец осуществилась. Родился театр, названный Виктором «Синяя птичка». Хотя начался он с капутника в Театре кино-

актера, все в нем было высокопрофессионально, остроумно и необычно. Успех был ошеломляющий. Толпы осаждали Дом актера, где «Птичка» нашла пристанище, — все хотели видеть и слышать, над чем смеются, над кем смеются и что изображают.

Надежда Аллилуева с сыном Василием Сталиным.

А время было суровое и к смеху не располагало. У всех на памяти было постановление о журнале «Звезда», травля Анны Ахматовой, Михаила Зощенко. И вдруг, как глоток свежего воздуха, театр литературно-театральных пародий в самом центре Москвы, рядом с Пушкинской площадью. На спектаклях «Синей птички» смеялись над тем, над чем не принято было смеяться, задевались имена, которых боялись касаться. «Вся Москва» побывала на этих представлениях. Перед спектаклем, смотря в дырочку в занавесе, мы видели знаменитых артистов, художников, музыкантов. Старый дипломат М. Литвинов, Илья Эренбург и даже граф генерал Игнатьев приходили на спектакли. А однажды перед началом за кулисы пришел взволнованный Александр Моисеевич Эскин, директор Дома актера, и сказал, что звонили из штаба ВВС Московского военного округа и просили оставить билеты для Василия Сталина.

Популярность «Синей птички» росла. Мы играли во всех домах творческой интеллигенции — Доме ученых, Доме журналиста, Доме архитектора, университете, ЦДРИ, Доме литераторов, во многих институтах, все невозможно перечислить.

А тут еще нам с Виктором привалила неожиданная удача. Всю жизнь прожившие в тесных перенаселенных коммуналах, мы вдруг получили неслыханную возможность жить в прекрасной комнате с окнами на Рождественский бульвар. Вдвоем! Без родителей, братьев и сестер. Какое счастье — приглашать гостей, засиживаться за полночь! А устроил это счастье родственник Виктора, который уехал из Москвы в Ленинград на постоянное жительство. Он очень хотел помочь Вите, поэтому, уезжая, не стал выпысывать из своей комнаты, чтобы дать возможность Виктору как родственнику прописаться на его жилплощади (были такие слова — «жилплощадь», «жировка», «домоуправ», «участковый»). Витя мгновенно выписался из своей коммуналки на Покровке, где жил с 1925 года. В комнату брата Виктора прописали постоянно. Это было счастье! Но оно длилось недолго.

Начиналась кампания борьбы с так называемым космополитизмом. С каждым днем она набирала силу. Газеты пестрели статьями, разоблачающими «безродных космополитов». Тех литераторов, которые посмели писать о западной культуре с уважением, смешили с грязью, оскорбляли. Их творчество называли «низкопоклонством» перед Западом. Смешно, но французские булки переименовали в «городские», печенье «турецкие хлебцы» стали называться «московскими», конфеты «Американский орех» стали «Южным орехом». Но это все мелочь по сравнению с тем, что пришлось пережить нашей интеллигенции, — литераторы, художники, ученые, музыканты подвергались остракизму. По существу это была государственная антисемитская кампания.

Не была обойдена и «Синяя птичка»: наши спектакли были запрещены окончательно без поворотно. Это был удар для Виктора и нашего маленького театра.

А вскоре пришла и другая беда. Однажды накануне выборов в Верховный Совет к нам пожаловали агитаторы проверить списки голосующих. Вити дома не было.

— Так, значит, Драгунский Виктор Юзифович... Проживает постоянно. А где Аршанский, хозяин площади? Соседи говорят, давно его не видели и вроде он здесь не живет. А ведь прописан. Голосовать-то он будет? Ах, нет, он в командировке, говорите. Нужно проверить в домоуправлении. Кстати, тут написано Драгунский Виктор. Виктор, это его настоящее имя? Может, псевдоним? Странно даже, у евреев таких имен не бывает. (Агитаторы могли себе позволить антисемитский укольчик, ведь они читали «Правду»).

А потом кто-то написал доклад, что Виктор прописан в этой комнате незаконно. Нас вызвали в суд. Постановление суда —

выселить! Положение отчаянное. Мы с Виктором и шестимесячный Денис, герой будущих «Денискиных рассказов». Переезжать некуда. Судебные исполнители зачастили в наш дом. Угрозы выселить при помощи милиции. Спустия несколько дней под дверь комнаты подсовывается бумажка — «Вы выписаны с площади в квартире № 9 по Рождественскому бульвару, 19». Мы все еще не выезжаем. Кто-нибудь из нас обязательно находится дома. С ребенком не выходим гулять. Мы напуганы. Вдруг придет милиция и начнет выкидывать наши вещи. С бумажкой о выписке Виктор мчит на Покровку, чтобы прописаться в комнате мамы, где он жил с 1925 года. В районной милиции Виктору категорически отказывают в прописке. Он идет в Главное управление милиции.

— Вы потеряли право на площадь в Москве! Законов не знаете? Разговор исчерпан, — говорит милицейский чин.

— Ах, вы режиссер, руководитель эстрадного коллектива? Ну что же, на всякий случай принесите документ, что вы такой незамысловатый!

Весь разговор ведется в издевательской форме.

В милицию срочно доставляются необходимые «письма» — от эстрадного руководства, из Комитета по делам искусств, просьбы, ходатайства... Вдруг раздается звонок. Виктора просят зайти в милицию по вопросу прописки. «Наконец-то подействовало!» — подумал бедный Витя. И сломя голову побежал. Дома в ожидании его мы все страшно волновались. К этому времени мы уже переехали в комнату к маме Виктора и стали жить втроем за шкафом: Витя, я и маленький Дениска.

Когда Витя вернулся домой, на нем лица не было. Снова отказ. К тому же над ним буквально издевались. Его спрашивали:

— Когда вы вернулись в Советский Союз? (Витя родился в Нью-Йорке).

— Меня привезли в царскую Россию в восьмимесячном возрасте, за месяц до начала 1-й мировой войны, — отвечал Виктор.

— А в Москву-то вы как попали? — продолжался допрос.

— Я приехал из Гомеля с матерью и маленьким братом в 1925 году и с тех пор живу на Покровке.

— Извиняюсь, извиняюсь... — сказал чин. — Вы что, забыли, что почти три года на своей Покровке не живете? Кстати, она называется улицей Чернышевского. Я вам уже говорил, что вы потеряли право на жилплощадь в Москве. Ясно? У нас для вас отдельных законов нет!

— Куда же мне деваться? У меня жена, ребенок, я всю жизнь работаю в Москве.

— А что вы так за Москву держитесь? Поезжайте в другой какой-нибудь город. Но только предупреждаю, ни в Ленинграде, ни в Киеве вас не пропустят. Да и в Одессе, пожалуй, не пропустят. У нас в Союзе много городов, Бердичев, например, или Житомир, да тот же Гомель. Там вас пропустят, раз вы такой незаменимый.

Дома Виктор сказал: «Непробиваемая стена, придется уезжать. Поедешь со мной, Алеша?» — спросил он меня.

Я поняла, что Виктора просто выгоняют из Москвы, лишают работы. Куда идти, где искать правду?! И вдруг меня осенило. Ведь я же прописана у родителей в доме, где живут вожди. Там, на улице Грановского, в доме номер 3, живут Буденный, и Хрущев, и Маленков! А что если написать письмо кому-нибудь из них? Напишу отчаянное письмо. Они помогут! Ведь просьба-то пустяковая — прописать Виктора туда, где он прожил всю жизнь. И я написала длинное письмо Буденному и передала в подъезд, где он жил. Мне он казался добрым. Он глядел на меня спокойно. Так вот знаменитый и такой добрый и простой! Я долго ждала ответа.

А тем временем наша жизнь на Покровке превратилась в нервотрепку. Каждую ночь после двенадцати в коридоре раздавался топот сапог и мощные

стук в дверь. Это являлся наш участковый Степанов, довольно пожилой человек, которого Виктор знал еще до войны. «Проверка паспортов!» — изрекал Степанов. Зажигался верхний свет, просыпался и плакал маленький сын, мелко дрожала Витина мама, у меня колотилось сердце, а Витя только сильно бледнел. Взяв в руки паспорт Виктора, Степанов долго его разглядывал, а затем изрекал: «Виктор, а где же прописочка? Прописки нет — не имеешь права здесь жить и даже ночевать. Даю срок три дня! Оформляй прописочку и живи себе на здоровье. А то выселить тебя придется из Москвы!».

Степанов уходил. Мы долго не могли уснуть. Через три дня Степанов приходил снова. Та же проверка, те же слова. Было ясно, что ему дано задание терпеть нас, угрожать выселением. Ходил он не по своей воле. А ответа на мое письмо Буденному я так и не получила. Тогда вспомнила о Васе. Сыне Сталина. Я помнила его с детства. Он приходил в наш дом на улице Грановского. Там жил его старший брат Яков Джугашвили. Вася до войны тоже был Джугашвили. Когда он появлялся в нашем доме, вся ребятня сбегалась на него посмотреть. Еще бы! Сын Сталина! В противоположность своему брату Вася был обычный паренек заурядной внешности, среднего роста, рыжеватый, с крупными веснушками. Но как давно это было, еще до войны! А теперь Василий Сталин — генерал, депутат Верховного Совета.

И вот я решила, ничего не говоря Виктору, пойти к нему на прием. Он меня примет. Я расскажу ему все.

Штаб ВВС Московского военного округа помещался тогда наискосок от метро «Аэропорт» на противоположной стороне Ленинградского проспекта. (Тогда проспект назывался просто Ленинградским шоссе).

На проходной я сказала, что иду записаться на прием к депутату Василию Сталину. Взглянув на мой паспорт, меня легко пропустили. Я приготовилась слезно просить, умолять, а тут раз и «проходите». Пока я дошла до штаба, ноги подкашивались от волнения и страха. В приемной штаба меня приняли двое военных. Фамилии их я помню до сих пор. Майор Дагаев и капитан Лакшин. Заявление у меня было заготовлено заранее. Там было много отчаяния и слез.

— А теперь расскажите все, как есть, своими словами, — сказал майор Дагаев.

И я, захлебываясь, боясь, что меня прервут, стала рассказывать. В том числе и о том, что я знала Василия Сталина и его брата Якова еще по улице Грановского до войны. Выслушали меня внимательно, потом попросили принести справку, что я действительно прописана по улице Грановского, 3, и еще справку из домоуправления о прописке Виктора Драгунского в Москве с 1925 года. (О справке, справки! Сколько их требовалось тогда!). «И перепишите заявление. Это куда не годится».

Дома я все рассказала Виктору. Он уже ни во что не верил. Настроение у него было скверное. Но... Надежда умирает последней, и за справкой он пошел. Со справками и новым заявлением я поехала в штаб. И вот наступил день, когда мне был назначен прием. Я в огромном кабинете Василия Сталина. Одна стена — сплошное стекло, за ним летное поле, самолеты. Василий Сталин стоял у стола, где был селектор, по которому ему что-то докладывали. Одет он был в полевую форму. Он обернулся ко мне, и я увидела те же самые крупные веснушки. Потом он протянул мне руку, поздоровался, взглянул на мое заявление, еще раз на меня и размашисто, наискосок написал: «Прописать! В. Сталин». Нежрудно себе представить, с каким ликованием я возвращалась на Покровку. Когда Виктор увидел бумагу с резолюцией, он чуть не потерял дар речи. Только повторял: «Не может быть, не может быть... Ну, Алеша, ты совершила подвиг». Не теряя ни минуты, он поехал в Главное управление милиции. Тот самый полковник, который издевательски советовал Виктору уехать в Бердичев или Житомир, прочитав бумагу с резолюцией, вскочил с места, потом сел и сказал, дружески улыбаясь: «Товарищ Драгунский, подождите минуточку, пожалуйста, прошу вас. Я сейчас». И выбежал из кабинета. Минут через пять он быстро вошел в кабинет и сказал: «Идите в свое отделение милиции. Мы уже дали команду».

Он протянул Виктору руку и пожал ее со словами: «Поздравляю вас, товарищ Драгунский, всех вам благ!» В эту минуту в кабинет вошли еще три милицейских чина, все они улыбались и поздравляли Виктора.

Спустя час в паспорте Виктора Драгунского стояла печать о постоянном проживании по улице Чернышевского, дом 29, квартира 20.

Вот так Василий Сталин Виктор Драгунский в Москве прописал.

Алла ДРАГУНСКАЯ.